

УСПЕХ УЧИТЕЛЯ – В ДЕЛАХ ЕГО УЧЕНИКОВ

Алла БОЙЦОВА,
заведующая
Любанской
сельской
библиотекой
Ленинградской
области

Я пишу эту работу в память о замечательном человеке, учителе Любанской школы Любови Дмитриевне Яковлевой, с которой мне, девочке-подростку, довелось прожить два таких длинных и таких коротких, но, несомненно, удивительных года. Я посвящаю эту работу маме, которая выбрала профессию учителя благодаря мудрости химика Яковлевой и вот уже 40 лет в той же Любанской школе преподаёт химию, а также всем учителям, давшим мне нравственную опору в жизни; моему терпеливому мужу и моим очаровательным сыновьям, которые идут рядом со мною по жизни. Я пишу эту работу в надежде, что время, когда слово «учитель» вызывает усмешку, пройдёт, а вернётся истинное уважение к великой этой профессии.

Нас сейчас принято называть бюджетниками. За этим неказистым словом стоят учителя, врачи, работники культуры, то есть те люди, от которых зависит работа наших сердец. Можно создавать космические аппараты, но если этому никто не научит, то как? Если никто не позаботится о нашем здоровье, как будет работать наше сердце? Если не станут выходить книги, где можно прочитать об устройстве мироздания, о культуре предков, уйдёт из жизни музыка, умиротворяющая наше сознание? Если всего этого не будет, то не будет и человека!

Робею, когда пишу об учителе, хотя сама работала в школе. Это

одна из немногих профессий, с которой приходится столкнуться каждому. Немногие из нас могут вспомнить знакомого геолога или технолога, счастливицам не приходится по жизни обращаться к врачам, растут как грибы магазины, и мы забываем лица обслуживающих нас продавцов, но слово «учитель» всегда вызывает воспоминания. Какими они будут, зависит от того, какие учителя попадались на нашем пути. И любовь к предмету — тоже от любви к учителю.

Учительский год начинается с сентября. В то время когда природа засыпает, в учебных классах зарождается жизнь. Не правда ли, удивительно! Сколько таких сентябрей промелькнёт перед глазами учителя! И с каждым новым сентябрём наполняется новыми силами людская река, исток которой в учительском сердце. Чем дольше работает учитель, тем полноводнее русло этой реки и тем ветвистее её рукава.

Каждый год в жизни учителя непохож на предыдущий. Вроде бы одна и та же работа, одни и те же планы, тетради, оценки, но лица... Лица всегда разные. А глаза... Глаза детей, которые смотрят на тебя то с надеждой, то с упреком, то вызывающе, то насмешливо, то оценивающе, то боязливо... И каждый раз твоя пара глаз вступает в поединок с их глазами. Чем он закончится, зависит только от тебя: от твоего умения, такта, сострадания, выдержки и огромного терпения.

Евгений Николаевич Ильин, ленинградский учитель, сказал однажды, что «процесс общения между учителем и учеником — как молния на куртке: обе стороны застёгиваются одновременно и накрепко неторопливым движением замка».

Выпускник Педагогического института ещё не учитель! Не даёт диплом тех знаний, которые необходимы для общения с учеником. Молодой учитель учится вместе со своими первыми учениками, и непонятно, кто учит: он их или они его. Наверное, взаимно. И нельзя отложить на потом возникшую вдруг проблему, нельзя отмахнуться от забот возрастающей детской души, потому что душа ребёнка — как

растение: не подставил вовремя опору, и порыв случайного ветра сломал тонкий росток. Но ведь росток не растёт сам по себе. Его корни в земле. Насколько сильны корни, насколько тверда опора, настолько и растение будет мощным.

Род, родина, родные, родители... Каждый раз, объясняя первоклассникам, что это не просто созвучие, это слова, близкие не только по значению, по смыслу, но и по духу, я задумываюсь, что в нашем могучем русском языке вообще нет ничего случайного.

Род — связь времён и поколений. Закроешь глаза и представляешь предков, которые жили задолго до нас, каждый из них занимался каким-то делом, старался научить этому своих детей, а те, в свою очередь, своих.

Роды — мучительный, непредсказуемый процесс появления на свет твоего ребёнка, который, может быть, продолжит начатое тобой дело.

Родина — то место, где ты родился, где каждый уголок напоминает о себе острым, щемящим чувством в груди. Чувство это сопровождает нас в дальней дороге, оно с нами в далёких краях, куда мы уехали, проигнорировав народную мудрость: «Где родился, там и пригодился». Оторвавшись от корня, мы разрываем связь всех поколений, а народная мудрость, веками сохраняемая в русских деревнях, так нужна нашему суетному миру.

Что такое русская деревня, одна из тысяч деревень, раскинутых по нашей большой стране?

Старенький автобус движется по просёлочной пыльной дороге, увлекая нас за собой. За окном мелькают деревья, сменяясь бескрайними полями, вдруг выгланет из-за леса, взмахнув зелёными ресницами деревьев, лесное озеро, и над всем этим бескрайним простором светит солнце и плещет, раскрыв громадные крылья, аист, будто укрывая землю и оберегая дома, что остались без присмотра.

Автобус держит путь, и с каждым километром, отделяющим нас от города, мы становимся детьми — беззащитными, кроткими, притихшими. И вот вдали при-

мечаем покосившиеся домики, покрытые не новомодным ондулином, а старенькой дранкой, в заплатках. Но как старенький халат, в который хочется облачиться, приходя домой, так и дом этот встречает нас, заблудившихся в подъездах многоэтажек.

У дома, в отличие от квартиры, к которой, правда, мы тоже привыкаем, несомненно, есть душа. Его строил далёкий предок для себя, не для других, обустроивал, как птица гнездо, чтобы род его продолжался, строил не для того, чтобы существовать, а для того, чтобы жить.

Дом этот, даже после многолетнего отсутствия, встречает нас без обиды, радуясь нашему приходу, приветливо распахнув окна. И ведь что символично: окна в деревенских домах распахивались наружу, а не вовнутрь, как двери (в отличие от нынешних окон), как будто приглашая всех проходящих.

У окна всегда стоял стол, а в красном углу — образа, чтобы всяк входящий мог снять шапку и, перекрестившись, отведать нехитрой еды, ведь не зря слово «угощение» — от слова «гость». Никогда не закрывались избы. Уходили хозяева в поле, подпирали дверь колом.

В русских деревнях, как правило, случайных людей не было, все были родственниками, потому что приезжали и обосновывались на земле большими семьями, передавая знания и опыт следующим поколениям.

Да и строились дома всем миром, строились на века. И каждый дом жил до тех пор, пока продолжался род людской, оставляя на земле след, как отпечаток своей судьбы.

Бывало, идёшь по деревне, а на окнах одинаковые наличники или забор одинаковый, значит, делал их один мастер, и помнили его деревенские жители. Где-то были хорошие столяры, плотники, хорошего печника или кузнеца знали во всей округе. Из каждого дома пахло хлебом, и казалось, ничто и никогда не нарушит этого неторопливого движения жизни.

Но не так уж важно, что заброшена деревня эта и дома осиротели, важно, что даже вдали от

родных мест должен быть у каждого дома тот, кто помнит детство, проведённое здесь.

Кто-то упрекнёт меня в сентиментальности, но отбросьте дела и совершите небольшое путешествие по русским деревням, и вы почувствуете, что не сентиментальность это вовсе, а это как раз и есть тот русский корень, который навеки прикрепил меня к бесконечным просторам моей земли.

История каждой семьи заслуживает отдельного повествования, а если в семье было всеми любимое дело, которому посвятили жизнь отдельно взятые члены рода, то и подавно.

На вопрос об учителе: «Чем она занимается?» сейчас мы услышим ответ: «Она учит детей, учитель...», а раньше, в былые времена, на этот же самый вопрос мы бы услышали: «Учительствует!» Слово это внушало уважение даже заочно и приводило в трепет каждого. Причём занятие это не считалось зазорным ни для мужчины, ни для женщины. Люди глубоко интеллигентные и образованные, они были образцом для подражания.

Учительские династии, как правило, не прерывались. Может быть, уважение к сельскому учителю и сыграло свою роль в выборе профессии у членов семьи, о которой мой сегодняшний рассказ. Ведь в деревне, где привыкли обращаться к каждому запросто, ещё только завидев учителя на улице, скидывали шапку и, почтённо склонив голову, обращались к нему по имени-отчеству.

Неподалёку от Любани, что в Тосненском районе, в одной из русских деревень с названием Ямок жила семья Якова Осиповича Осипова. Яков Осипович был долгожителем. Прожили они свою долгую жизнь с женой Матроной, вырастили и подняли на ноги пятерых детей — четверых сыновей и дочь.

Что представляла собой деревня Ямок до революции? Половина деревни до 1861 г. была крепостной, принадлежали крестьяне помещику. Вторая же половина — так называемые *ямские* (отсюда, вероятно, и название деревни) имели свою землю и были свободными.

Деревня жила обычной крестьянской жизнью. Просыпался с первыми петухами прадед, выходил на залитое солнцем крыльцо, потирал натруженные руки и поднимал глаза к небу, пытаясь определить, какая будет погода. В отличие от современных метеоспутников никогда не ошибался. По одному ему ведомым признакам он мог предугадать, будет ли дождь, нагрянет ли гроза, а зимой по ломоте в костях точно знал о приближении бурана.

Пройдя по росе босиком и открыв скотине дверь хлева, прадед брал коромысло и шёл к колодцу за водой. Первый ковш выпивался там же, у колодца. Холодная вода от родной земли обжигала горло, наполняя тело живительным соком. Это давало силы работать тяжело и много, ибо крестьянская жизнь, пусть даже зажиточная, никогда лёгкой не была.

А семья Осиповых была зажиточной. Яков Осипович имел в деревне землю и четыре дома. В соседней деревне Коровий Ручей ему принадлежал ещё один дом и сорок десятин земли. Дома приобретались и строились для сыновей. Считалось, что дочь уйдёт от родителей в дом мужа, а у сына обязательно должен быть свой дом и общее с отцом дело. А ещё, согласно деревенским законам, дети получали по имени отца фамилию, поэтому Яков Осипович был Осиповым, а его дети носили фамилию Яковлевы (уже по его имени.)

Хотя в семье все работали, но обработать такое количество земли, естественно, было не под силу. Доход приносила продажа сена, которое косили с помощью наёмных работников. Только поднялось солнце, выходили косцы в поле, ведь, покуда лежит роса на траве, нужно успеть закончить работу. Движения косарей были размеренными, неторопливыми и одновременными, трава ложилась ровными рядами, её удобно было ворошить и высушивать.

От качества сена зависело, сколько можно выручить за него в Петербурге. Сено отвозили в город на лошадях.

Нам, привыкшим к машинам, не понять, как проехать сотню вёрст до города на лошади. А ведь ездили!

Правнучка Якова Осиповича Людмила Алексеева вспоминает, как мать рассказывала, что, когда началась революция, прадед был в Петербурге и попал на Лиговском проспекте в затор, образовавшийся из лошадей, запряжённых в телеги. Мы, современные люди, владеющие железными конями, часами, без всяких революций, стоим в таких заторах, ёмко прозванных в народе пробками. А тогда это из ряда вон выходящее событие запомнилось матери Людмиле на всю жизнь.

О зажиточности семьи Осиповых говорило и то, что в Петербурге они снимали комнату в районе Кузнечной улицы, в которой останавливались на ночлег, когда привозили продавать товар в город.

Кроме этого, семья имела своё хозяйство, огромный яблоневый сад (единственный в деревне), занималась разведением пчёл. Доходы от продажи шли на содержание семьи. Осиповы жили богато, все они хорошо одевались. Но кроме этого Яков Осипович старался дать сыновьям образование. За давностью лет мы не можем с точностью сказать, что побуждало к этому Якова Осиповича, ведь жили-то в деревне: может, частые поездки в Петербург, может, внутренняя культура, может, тщеславие, но факт остаётся фактом.

Достоверно известно, что сын Иван учительствовал в школах Ленинградской области, сын Николай до революции учился, а потом преподавал в Лесотехнической академии, сыновья Александр и Дмитрий были продолжателями дела отца на земле. Дочь, к огорчению родителей, была очень болезненной. Братья очень любили сестру Анну, даже собирали деньги на её лечение в Финляндии.

Бежит время, плетётся бесконечное кружево из человеческих жизней, сыновья женятся, дочери выходят замуж, переплетаются нити, оборвётся какая-то из них, и уже не восстановить рисунок судьбы, ушли из жизни предки, и не знаем мы, нынешние поколения, кем они были.

Бежит дорога, дальняя или близкая. Пусть же возвратит она нас к родному дому, где из запылившейся рамки со стены смотрят на нас лица наших предков.

А мой сегодняшний рассказ о тех многочисленных потомках рода Осиповых — Яковлевых, которые честно трудились на родной земле, прошли сквозь огонь всех испытаний.

Эту семью не обошли войны и репрессии, но они стойко выдержали все трудности, потому что передавали свою веру в светлое будущее новым поколениям, и из слабого ростка поднялось могучее дерево семьи.

Их судьба во многом схожа с жизнью тысяч семей огромной нашей страны с величественным названием Россия. И судьбы этих людей тоже заслуживают описания, поэтому мой рассказ — это обращение к людям: оглянитесь, у нас великая страна, в нас жив крепкий дух предков, нужно только поверить в себя и помнить о корнях, которые нас взрастили!

Итак, своё дело Яков Осипович передал одному из сыновей — Дмитрию. Взяв в жёны сироту из Смоленской губернии Анну, Дмитрий ещё до революции зажил своим домом.

Анна занималась домашним хозяйством и детьми, которых было немало: пятеро сыновей и четыре дочери. Страдала язвой желудка, и, по воспоминаниям внучки, выжил её от недуга профессор Военно-медицинской академии Шевкуненко, ездивший мимо Ямка в своё имение. Внучка Дмитрия Яковлевича вспоминает, как профессор Шевкуненко на своей двуколке останавливался у них, доставал свой неизменный чемоданчик... Именно такими мы и представляем дореволюционных врачей. Незамысловатые народные средства, а именно: овсянка и мёд по утрам — принесли облегчение от тяжёлой болезни.

Дмитрий купил кусок земли с лесом между Сустьем и Ямком, который, по воспоминаниям, назывался Городок. Лес пилили и продавали, это тоже служило неплохим источником дохода. Кроме этого, Дмитрий владел в деревне продуктовой лавкой, в которой торговала старшая дочь Вера. Откуда привозили товар? В Любани, на нынешней улице Ленина, до революции были купеческие дома, там и закупали товар, везли его в деревню.

В семье на постоянных правах жили один из работников и нянька. По воспоминаниям, дети очень любили свою няньку, и любовь эта была взаимной. Наёмные работники шили, катали валенки, выполняли другие работы. Но и в семье все от мала до велика трудились.

По воспоминаниям внучки Дмитрия Яковлева Людмилы Алексеевой, долгими зимними вечерами дед Дмитрий и бабушка Анна постоянно читали, что было ещё одним свидетельством внутренней культуры семьи. Удивительно, как при такой тяжёлой физической работе они находили время и силы, чтобы что-то читать детям.

Грянула революция... Школы позакрывали, учителей не было, разруха, разброд. Большую часть имущества у Осиповых отобрали.

Оглянемся на хронологию событий. У Анны на руках девять детей. Самому старшему, Анатолию, — 17 лет, Вере — 16, Саше — 13, Володе — 11, Марии — 9, Сергею — 8, Екатерине — 7, Жене — 3 и годовалая Люба. Представив этих детишек, осознаешь, каким мужеством обладали русские люди. Ведь они не только уберегли детей от голодной смерти в эти тяжёлые годы, но и сумели поднять их на ноги.

Как же сложилась судьба детей из этой семьи в 20—30-е годы XX века?

Вера после революции (в 1924 г.) вышла замуж, в Любань, где и жила потом с мужем и двумя сыновьями — Лёшей и Володей. Отец дал старшей дочери хорошее приданое, хотя был не очень доволен выбором дочери, очень страдал и через полгода после замужества дочери умер.

Мария работала на телефонной станции на Московском вокзале. Помимо этого собирала клюкву, сдавала перекупщикам-спекулянтам, растила сына Володю и дочь Людмилу, работающую в настоящее время учителем физики в Тосненской школе № 3.

Сергей поступил в техникум, работал в Туапсе, потом вернулся — потянуло к родным местам, был инженером на заводе Кагановича.

Владимир был машинистом, Александр учился в Пушкинском

сельхозинституте, работал в сельсовете, потом — в потребкооперации.

Анатолий связал свою жизнь с лесом. Видимо, сказалась профессия брата отца — Николая, преподавателя Лесотехнической академии. Анатолий был лесничим в деревне Ушаки Тосненского района, женат на учительнице математики Ушакинской школы — Марии Ивановне, растили дочь Инну, тоже будущего учителя.

Люба жила у старшего брата Толи в Ушаках, закончила в Ушакинской школе 9 классов, затем Саша отвёз Любу поступать в Новгородский пединститут.

Женя тоже учился в школе, причём учился очень хорошо.

Вроде бы всё складывалось удачно. Дети получали образование, нашли своё место в жизни, но...

1 мая 1935 года. Чёрная дата в жизни семьи. Обыски... допросы... Посадили в товарный вагон, и поезд двинулся на Урал.

Что ждало там, в неведомом краю? Прибыли к месту назначения, получили «имя»: спецпереселенцы! Что скрывалось за этим «именем», не знал никто, но слово вызывало страх. Паспортов не было, работали на калийном комбинате: сначала разнорабочими, потом — аппаратчиками, жили в огромных бараках по несколько семей.

Выслали всех, кроме Саши, Веры и Любы. Саша был сослан на Колыму, жил там всю войну, Вера на тот момент была замужем. Видимо, матери очень хотелось спасти хоть кого-то из детей, поэтому и про Любу тоже было сказано, что она вышла замуж, учась в институте, и за деяния семьи ответственности не несёт. Так Люба избежала участи семьи, это дало ей возможность доучиться сначала в Новгороде, потом в Пскове.

Но на этом несчастья не кончились. Страшный 1939-й... Арестовали Володю, Евгения, Сергея. (В 1939 г. по «суду троек» они были расстреляны в Свердловской тюрьме, в 1956 г. реабилитированы.)

1941—1945 годы. Война... Работали в тылу на Урале. Умерла в эти тяжёлые годы мать, похоронена там же, на Урале.

После войны к Марии приехал на Урал одноклассник Фёдор Гаврилов, который в войну оставался в оккупированной фашистами Любани, потом был сослан в Германию. Очень уж хотелось Фёдору взять в жёны бойкую девушку... Поженились, родили детей, в 1964 г. вернулись в Любань, построили дом.

Дочь Марии и Фёдора Людмила с детства не представляла жизни без школы. Она вспоминает, что, ещё будучи маленькой девочкой, помогала подружкам, уже ходившим в школу, носить портфель. Портфель придавал маленькой Люде солидности, а ей страшно хотелось скорей подрасти.

Люда начала учиться на Урале, а заканчивала уже в Любани. Выбора перед ней не стояло, она твёрдо решила стать учителем. Получила педагогическое образование и по настоящее время она — учитель физики на нашей Тосненской земле (школа № 3 г. Тосно). У Людмилы Фёдоровны Алексеевой три дочери, и все — учителя.

Ирина, в замужестве Осипова (вот и вернулась родная фамилия), преподаватель физики в Тосненской школе № 2, Татьяна работает учителем математики и информатики в одной школе с мамой, а Оля учится в ставшем уже для них родным Педагогическом университете имени Герцена и тоже будет учителем царицы наук — математики.

А что же Любовь Дмитриевна? Она была направлена по распределению на Брянщину, в старинный город Почеп. Приезжала на Урал навещать мать. Племянница Людмила Алексеева вспоминает, что тётя Люба хорошо играла на гитаре, пела.

В войну Люба, которой на тот момент было всего двадцать пять лет, оказалась в тылу у немцев, партизанила в Брянских лесах. Там же, на Брянщине, встретила свою судьбу, инженера Патина, родила двоих сыновей, Владимира и Дмитрия, и с ними вернулась в родные края. Железнодорожная школа № 25 в городе Любань стала для неё вторым домом.

Молодой и озорной девушкой пришла она туда работать, преподавала естественные науки, удив-

ляла учеников блестящим знанием такой непонятной химии, заряжала воспитанников своей энергией и сама набиралась житейской мудрости.

Спроси у коренных любанцев, учившихся в железнодорожной школе, о Любви Дмитриевне, и услышишь много добрых слов, которые нередко сопровождают хорошего учителя по жизни. О нём судят не по количеству подаренных ему букетов, а по количеству помнящих его учеников.

Меня судьба свела с этим потрясающим человеком, когда мне было всего одиннадцать лет. Наша встреча была короткой по количеству проведённого вместе времени (я прожила в её гостеприимном доме около двух лет), но запомнилась на всю жизнь.

В доме её всегда пахло пирогами. Когда я вспоминаю Любовь Дмитриевну, то почему-то сразу память предлагает аромат пирога с малиной, именуемого просто «дрожжевиком». За этим незатейливым названием скрывался неопишуемый пирог, вкус которого я запомнила с детства. В прошлом году нашла в старых записях рецепт, испекла строго по технологии, но была разочарована. Пирог получился красивым, вкусным, но пах он пирогом, а не детством!

На первом этаже этого же дома располагалась детская библиотека, заведовала которой совсем юная Елена Ивановна. А рядом мамила своей загадочностью библиотека взрослая, хозяйкой которой была Валентина Фёдоровна Дубиничева. Мне тоже разрешали ходить за книгами в ту библиотеку, и это придавало гордости.

В соседней квартире жил учитель литературы и русского языка — Борис Маркович Ицковский, не так давно ушедший из жизни.

Приходя из школы, быстро сделав уроки, я спешила в мир книг, читала залпом, мне хотелось взять не одну-две книги домой, а целую охапку. Я тащила их по лестнице с первого этажа на второй, навстречу мне выходил Борис Маркович, одобряюще кивал головой, но Любовь Дмитриевна... Она была моим главным собеседником. Именно с ней мы переживали за детей капитана Гранта, за сына

полка, за пионеров-героев. Мы искали сокровища, удивлялись диковинным зверям, опускались на морское дно, поднимались в горы.

Она спрашивала о каждой прочитанной книге, вызывая у меня живой интерес. Но самое главное: как она, химик по образованию, смогла воспитать у меня такую любовь к русской поэзии? Каждое утро, поднимаясь с кровати, она просила меня вспомнить любое стихотворение о времени года за окном, сама читала много поэтических строчек. Любовь Дмитриевна говорила, что стихи нужно учить, чтобы развивать память.

Эта ненавязчивая педагогика помогла мне уже потом, в педагогическом училище, а потом в институте.

Меня всегда восхищали стойкость и жизнелюбие этого человека. Жизненные трудности не сломали характера. Долгие годы в её сердце стоял кардиостимулятор. Позже, сломав бедро, оказавшись прикованной к постели, она пыталась найти в себе силы пересест в инвалидное кресло, а затем и попытаться встать на ноги. Кто-то скажет: «Жизнь заставила», но не каждый имеет силу духа, чтобы бороться с судьбой. Мужество этой удивительной женщины до сих пор поражает меня.

Что ещё мы знаем о детях Дмитрия, внуках Якова Осипова из деревни Ямок?

Не менее известным человеком был брат Любви Дмитриевны — Анатолий Дмитриевич, семья которого жила в Ушаках. Анатолий Дмитриевич был женат на дочери начальника станции Ушаки Ивана Максимовича Максимова и его жены Татьяны Дмитриевны. В молодости Иван Максимович жил в Саблино, а потом, построив дом, в 1899 г. переехал в Ушаки. Там и повстречал юный Анатолий, работавший в ту пору лесничим, молоденькую учительницу со скромным русским именем Маша. Поженились, там же в 1928 г. родилась дочь Инна.

Мария Ивановна закончила гимназию, первое время работала в Саблино. По приезде в Ушаки пришла в Ушакинскую школу, где бесценно учительствовала до 1960 г.

За многолетний добросовестный труд учитель математики Мария Ивановна Яковлева была награждена орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Ещё бы! Ведь все Ушаки знали эту скромную женщину, после войны взвалившую на плечи немалую ношу — давать знания разновозрастным голодным ребятишкам.

Когда маленькой Инне едва исполнилось шесть лет, умер от туберкулёза Анатолий Дмитриевич, и Мария Ивановна осталась с дочкой одна.

Война нарушила мирный ход жизни. После войны вернулись в Ушаки. Двоюродный брат Сергей Яковлев помог обустроиться. Было трудно, но Мария Ивановна отправляет дочку учиться в библиотечный техникум.

Инна Яковлева (в замужестве Качук) заканчивает библиотечный техникум и приходит работать в Тосненскую библиотеку. Библиотека располагается в то время в здании бывшей церкви, а тогда Дома культуры, в алтаре. Рядом с молоденькой Инной работают Елена Петровна Гордеева, жена инструктора горкома партии, Нина Константиновна Ковшило, Тамара Петровна Шкаликова.

Заочно оканчивает Инна Библиотечный институт имени Крупской и в 1951 г. переходит работать в Ушакинскую школу библиотекарем. В 1958 г. она по совместительству — учитель домоводства. В 1971 г. семья переезжает в Колпино, а Инна Анатольевна трудится в железнодорожной школе г. Тосно, затем выходит на заслуженный отдых, но вновь через год возвращается к работе — уже в Саблинскую школу.

Вот уже 60 лет рядом с Инной Анатольевной её верный друг и опора всей жизни — Александр Михайлович. Вырастили двух дочерей. Татьяна и Марина тоже выбрали учительскую дорогу.

Было в роду Яковлевых ещё одно дело, которому некоторые из потомков посвятили жизнь. Они, выросшие в деревне, со всех сторон окружённой красивейшими лесами, не могли остаться равнодушными к лесному богатству.

Вообще, судьбы работников лесного хозяйства и учителей пе-

реплелись между собой, как могучие корни родового дерева. Да ведь, по большому счёту, и профессии эти в чём-то схожи, ведь вырастить и дерево, и человека одинаково трудно.

Примечательна судьба Николая Яковлева, сына Якова Осиповича, потомка в первом поколении. Николай учился, а потом всю жизнь работал в Лесотехнической академии. То есть его жизнь была связана и с лесом, и с преподавательской деятельностью.

Жил он в центре Петербурга, на Маяковской. Семья его вела светский образ жизни, это накладывало свой отпечаток. По выходным вместе с женой ходили на Красовский рынок, продукты старались покупать только там — в то время вся интеллигенция Петербурга очень следила за своим здоровьем.

Николай прожил долгую жизнь, умер в 1960-х гг., вырастил сына Владимира, защитившего диссертацию. Но, к сожалению, он был слаб здоровьем и вскоре после защиты умер, оставив после себя наследника, продолжившего его дело.

Третий из сыновей Якова Осиповича, Иван, всю свою недолгую жизнь тоже посвятил школе. В родной деревне Ямок он учил детей грамоте и дело своё передал сыну Леониду. Одна из многочисленных родственниц семьи Антонина Мартынова, проживающая в настоящее время в деревне Коркино, вспоминает, что Леонид Иванович жил в одном из домов, построенных дедом Яковом для сыновей, и в этом же доме организовал для ребятишек школу. Затем Леонид перебрался в Ленинград, продал отцовский дом двоюродному брату Павлу, отцу Антонины, и далее о судьбе его ничего не известно.

О дочери Якова Осиповича, Анне, мы, к сожалению, тоже знаем мало. Но у неё было четыре дочери: Мария, Екатерина, Елена, Александра. Известно, что Мария Васильевна Пахомова преподавала в усадьбе Голицыных, в Андреевском. Елена Васильевна Пахомова жила в Ленинграде, в Свечном переулке, и была научным сотрудником, заведующей лаборатори-

ей Ленинградского технологического института. Всю свою жизнь Елена Васильевна занималась научной работой по изучению стекла, делала стеклянные фигурки по проектам скульптора В.И. Мухиной. Чтобы заниматься любимым делом, она ездила проводить практические опыты в Малую Вишеру на стекольный завод. В семье родственников хранится газета, где опубликована заметка о деятельности Е.В. Пахомовой.

Третья сестра, Александра Васильевна, работала на железной дороге, в учётном отделе, а Екатерина Васильевна была домохозяйкой.

Брат Николая Яковлевича и Анны Яковлевны, ещё один сын Якова Осиповича, Александр Яковлевич (потомок в первом поколении), крестьянин, жил в родной деревне, растил четверых сыновей. Один из них, Михаил, тоже связал свою жизнь с лесным хозяйством, был егерем.

Его сын, Николай Михайлович, прошёл всю войну, а после служил на подводной лодке. На берег вернулся только через 45 лет. Обосновался в Санкт-Петербурге. Вместе с женой Маргаритой они прожили уже шесть десятков лет, вырастили дочь, сейчас вся жизнь посвящена внукам.

Второй сын Александра Яковлевича, Павел, жил в родной деревне Ямок. Его дочь, Антонина Павловна Мартынова, в настоящее время живёт в соседней, теперь уже слившейся с Ямком, деревне Коркино. У Павла Яковлева и его жены Прасковьи было семеро детей.

Вообще, у каждого из рода Осиповых — Яковлевых было много детей. В деревнях все жили большими семьями. Это в настоящее время мы пытаемся решить демографическую проблему, а тогда в каждой избе звучали десятки детских голосов. А ведь жилось значительно тяжелее, чем сейчас! Без памперсов и колясок, вскормленные грудным молоком, если не матери, то кормилицы, приученные с детства к крестьянскому труду, дети росли в каждой избе не на йогуртах и чупа-чупсах, а на молоке и картошке, бегали в лаптях и валенках. Были здоровы.

Революция, коллективизация, годы репрессий, война... Этапы становления нашей большой страны отразились на многочисленных ветвях большой семьи Яковлевых.

В 1937 г. умирает Павел Александрович, и Прасковья Ефимовна остаётся с шестью малыми детьми на руках. Самому старшему, Леониду, едва исполнилось 15 лет, а седьмая, самая младшая, Татьяна, родилась уже через шесть месяцев после смерти отца.

Но стойкими были русские женщины! Четыре года прожила Прасковья в деревне, выхаживая ребятишек. И тут... страшное слово «война» нарушило и без того тяжёлую жизнь. В августе 1941 г. вместе с другими жителями, наскоро собрав ребятишек и нехитрые пожитки, Прасковья отправляется в путь.

Уходили в Вологодскую область, гнали деревенский скот. Путь оказался дальним, шли ни много ни мало два месяца! Немец наступал на пятки. Под постоянным огнём, через болота, шли пешком, несли на руках грудных детей, прятались в лесах от бомбёжек.

Антонина Мартынова вспоминает, как мать несла на руках трёхлетнюю Таню, а остальные дети, в том числе шестилетний Володя, шли пешком. Чтобы подогнать детей, мать специально уходила вперёд и, когда кто-нибудь из малышей звал её, не откликалась. Антонина Павловна и сейчас удивляется, глядя на шестилетнюю правнучку: как могли они, такие маленькие, столько времени идти!

Ведь только через два месяца пришли в деревню Белые Кресты, что в Вологодской области, где и прожили всю войну.

Вернулись в родную деревню уже после освобождения Любанской земли.

Дом сожжён немцами, все поля заминированы. Старший сын, Леонид, в войну без вести пропал на Урале. Опорой матери был Евгений, которому на тот момент было 20 лет.

Нужно было отстраивать жильё, мужчин не было, и женщины снова вынесли на себе весь груз лишений. Прасковья вместе с другими женщинами сама заготавливала лес для постройки дома,

всем миром, как могли, строили и вскоре переехали в новый дом.

Пятый сын Александра Яковлевича, Сергей Александрович, до войны жил в пос. Мга и тоже был работником лесной отрасли, растил шестерых детей. Когда началась война, последний эшелон увозит семью Яковлевых из Мги в Оренбургскую область. Во Мге остался один из сыновей Сергея Яковлева, Алексей Яковлев, он с отличием заканчивает Мгинскую школу, поступает в авиационный институт, но война... Алексей уходит на фронт. Последняя весточка с фронта пришла в декабре 1944 г. Это поздравление с Новым годом, которое бережно хранится в семье сестры Алексея, Зои Сергеевны Мягковой. Ровно через месяц, 22 января 1945 г. вражеская пуля найдёт Алексея на чужой ему стороне, в Польше, где его похоронят местные жители.

Остальные члены семьи Сергея Яковлева возвращаются из Оренбурга в Ушаки и начинают обустраиваться на новом месте. Это сейчас легко сказать: обустраиваться, а тогда... Представить страшно! Голод, холод, большинство домов или уничтожено фашистами, или пострадало во время ожесточённых боёв. Одна из дальних родственниц семьи Яковлевых Галина Мамичева рассказывает:

«Убегали из деревни (Русская Волжь. — Прим. авт.) практически без вещей. Вывозили нас 19 августа 1941 г. (в Спас), отправляли в Вологодскую область. Через Волхов переправлялись паромом, один паром разбомбили, мы, слава богу, оказались на втором, привезли кого в Устюжну, кого в Чагуду. Там и жили всю войну. После освобождения Любани вернулись домой. Фашисты, уходя, всё заминировали. Помню, мама из брёвен на реке делает мосток, чтобы домой перебраться. Пять брёвен вытасила, мы перебрались, а когда пришли сапёры, то сказали, что под брёвнами были мины. Нам повезло.

Вернулись в дом. Он уцелел в отличие от многих остальных в деревне, сожжённых фашистами.

Помню, как голодали. В соседней деревне нам дали несколько

картошин на посадку, картошин, а не ведер. Мы сажали в землю и очистки и отрезали маленькие кусочки. Единственное, что спасло: у фашистов с их немецкой педантичностью все поля были засеяны зерновыми из захваченных амбаров. Это помогло нам выжить».

Наверное, то же самое могли бы рассказать миллионы русских людей, которым на себе пришлось испытать весь ужас той страшной войны.

Так же, как и все остальные деревни, выглядела и деревня Ушаки. Яковлевы поселились в помещении лесничества. Жизнь возвращалась в нормальное русло, дети пошли в школу. Младшая дочь Яковлевых Зоя, вместе с сёстрами училась в Ушакинской школе. Закончив её, одна из них, Елизавета, позже работала там библиотекарем. А Зоя Яковлева окончила Педагогический институт и в 1960 г. по распределению попала в Машинскую школу, вышла замуж за одноклассника, сменила фамилию, проработала четыре года в вечерней школе, а теперь вот уже много лет преподаёт математику в школе № 1 г. Тосно.

У Зои Сергеевны Мягковой множество наград и регалий, она — заслуженный учитель России, ей присуждена премия Н.К. Крупской. Она — обладатель гранта Президента России, её имя записано в энциклопедию «Лучшие люди России». Интересен и тот факт, что Зоя Сергеевна — дважды Соросовский учитель, а ведь в этом конкурсе важен сам процесс отбора. Отбор идёт по методу опроса студентов, которым довелось учиться у того или иного учителя. Опрос идёт в вузах по всей стране. Учитель, набравший наибольшее число положительных отзывов, не подозревая об этом, становится победителем конкурса. Не правда ли, интересно, что скажут о тебе и предмете, который ты преподаёшь, твои ученики? Ведь заинтересованность — главная составляющая успеха! А успех — в делах её учеников!

Честь и хвала мудрому прадеду, который сумел привить своим потомкам безудержную тягу к знаниям и уважение ко всякому труду, а особенно труду учителя.